

Развивать фотографию

Десятки и сотни тысяч людей занимаются фотографией, и десятки миллионов людей нуждаются в фотографии: она удовлетворяет их любознательность, расширяет круг знаний, дает эстетическое наслаждение. Нет уголка в нашей стране, куда бы не вторгалась фотография, нет отрасли знания, нет вида деятельности советского человека, в которых зоркий глаз фотолюбителя не содействовал бы научному или техническому прогрессу.

В высоком качестве фотоснимков заинтересованы редакция газет и журналов и их многомиллионный читатель, научные работники и школьники, посетители клубов и туристы.

Естественно поэтому то внимание, которым отнеслась советская общественность к развитию фотографии, поставившая на повестку дня вопросы дальнейшего развития фотографии. Письма о нуждах фотолюбителей, о беспризорном состоянии фотосекции продолжают поступать в редакцию газет. Пишут лауреаты Сталинских премий и пионеры, инженеры-конструкторы и фоторепортеры, работники «бытовой» фотографии из промпредприятий и начинающие кружковцы. В этих письмах речь идет об отсутствии обмена творческими опытом, о перепадах в снабжении фотоматериалом, о подготовке кадров работников фотографии, о специальной литературе и ее недостатках — главное — о полной разобщенности мастеров фотографии, так и фотолюбителей.

Письма читателей конкретны и деловиты. Работники фотоматериальности должны знать, что их продукция находится под квалифицированным и строгим судом широкой общественности, способной оценить высокие достоинства советских фотоматериалов, низкое качество пленки, факты неорганизованности и бесплановости в деле производства местной промышленностью разнообразных фотопринадлежностей; работники Госкиноиздата должны встревожиться в связи с выкатыванием критической оценки по фотографии. Письма фотолюбителей, поступающие в редакцию газет, говорят о давно назревшей потребности фотографов в общении, в обмене опытом, о настоятельной необходимости объединения работников фотографии и фотолюбителей.

Чей же голос не слышен в широком и единодушном отклике общественности? По непонятной причине, вызывая всеобщее недоумение, проявляет равнодушие к подлинному вопросу Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР.

Отмалчивается Министерство кинематографии СССР, чья пренебрежительность зачастую сбивает советскую фотографию с ее истинных оснований, с ее истинными материалами.

Медлит с решениями и ВЦСПС, в культурном отделе которого есть культ, несущий ответственность за развитие художественной самодельности трудящихся масс и, следовательно, за руководство фотолюбительством.

Игнорирует творческие проблемы, связанные с судьбой художественной фотографии, оргкомитет Союза советских художников СССР.

Такое положение нетерпимо. Надо, наконец, покончить с творческой разобщенностью работников фотографии, с бесстыемостью в деле обеспечения интересов фотолюбителей.

Когда речь идет о качестве фотопленки, фотохимических материалов, оборудования, надо помнить, что этот вопрос затрагивает интересы научных экспедиций и астрономических обсерваторий, интересы медицинской клиники и биологической лаборатории, интересы любой лаборатории научно-исследовательского института и любого ОТК передового предприятия нашей индустрии. Сегодня нет такой отрасли народного хозяйства, которая не зависела бы от техники фотографии и ее усовершенствованными методами микроскопии, аэрофотограмметрии и т. д. и т. п.

Можно ли в этих условиях терпеть пренебрежительное отношение предприятий Министерства кинематографии СССР к нуждам «младшего брата» кинематографии — фотографии?

Речь идет о качестве фотолюбительских, об отсутствии в стране специальных учебных заведений, готовящих кадры фотографии. Надо помнить, что речь идет не только об обеспечении научнотехнической прикладной фотографии, но и об идейно-художественном уровне нашей национальной пропаганды: от мастерства и идейной зрелости работников фотографии сегодня зависит во многом оформление за-

вожского или сельского клуба, действительность, доходчивость фотопленки, фотоматериалы в партакбинете, в музее, в фойе театра, в клубах конференций, наконец, оформление любой газеты, любого иллюстрированного издания.

Фотографическая специальность требует высокой квалификации: образование фотографа должно сочетать хорошее знание сложной современной техники фотографирования с широким общественно-политическим кругозором. Между тем кадры работников фоторепортажа поднимаются порой за счет случайных людей, никак не подготовленных к своему ответственному и трудному поприщу.

Позволять ли Комитету по делам искусств и ВЦСПС пускаться на самое и дело подготовки кадров фотоспециалистов и дело обеспечения их роста, совершенствования мастера?

Когда общественность говорит о творческих вопросах, связанных с развитием художественной, в том числе цветной фотографии, о творческих дискуссиях, об обмене мнениями в области фотографического искусства и фоторепортажа, надо помнить, что речь идет об удовлетворении эстетических потребностей народных масс, о развитии эстетического вкуса народа. Великий русский художник Левитан еще на заре фотографии писал великому русскому ученому Тимирязеву: «Ваша мысль, что фотография увеличивает сумму эстетических наслаждений, абсолютно верна и в будущем фотография в этом смысле громадна». Еще в 1908 году Академия художеств избрала членом-сотрудником академика фотографа И. Ф. Барщевского.

Можно ли не подвигаться равнодушной позицией, занятой оргкомитетом Союза советских художников СССР по отношению к своему товарищу по изобразительному искусству?

Наконец, когда речь идет об огромной армии фотолюбителей, растущей из года в год, следует помнить о том, что она является мощным резервом и источником развития советского фотосектора. Если на развитие нашей радиотехники оказали огромное влияние творческие искания армии советских радиолюбителей, то разве не то же должно произойти и в области советской фототехники и фотопромышленности? Ведь только при этом условии миллионы советских людей, любящих фотографию, смогут обобщить свои творческие усилия, установить между собой систематический обмен опытом.

Пятнадцать лет назад, в 1937 году, была организована первая Всесоюзная выставка фотосектора. В республиках и областях страны работали выставочные комиссии, предварительно отбиравшие экспонаты. Специальные жюри выделяли затем для выставки 1500 фотоснимков. Здесь были представлены все жанры фотографии, в том числе прикладной, научной. Отмечая успех большого общественного дела, «Правда» писала в те дни: «Выставка — это сама жизнь, стремительная, яркая, полная замечательных событий. Народ — вот главная тема всех фотографий... Нет предела проникательности и широте зренья объектива, если фотоаппарат находится в руках человека, любящего свое великую Родину».

Многие мастера советского фотосектора справедливо считают, что одной из мер, которые могут коренным образом улучшить дело советской фотографии, должна явиться организация ежегодной Всесоюзной выставки фотосектора.

Подготовка к такой выставке, создание выставочных комиссий и жюри, отбор экспонатов сыграют большую организующую роль в деле объединения работников фотографии. Редакция таких иллюстрированных журналов, как «Огонек» и «Советский Союз», следует проявить инициативу в подготовке Всесоюзной выставки — ведь именно эти журналы группируют вокруг себя ведущие кадры советского фотосектора. Оргкомитет Союза советских художников СССР не может остаться в стороне от подготовки этого большого события в художественной жизни страны.

Разумеется, руководство делом создания Всесоюзной выставки должно взять на себя Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР, его Главное управление учреждений изобразительных искусств.

В ходе подготовки к Всесоюзной выставке должны быть обобщены и другие важнейшие нужды советской фотографии. Назрела необходимость в создании творческой организации, способной объединить многочисленные, разрозненные ныне кадры советской фотографии, должна быть активизирована огромная, существующая повсюду сеть фотокружков.

Широкая советская общественность ждет поддержки и руководства в деле развития фотографии со стороны организаций и учреждений искусства.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 58 (2931)

Вторник, 13 мая 1952 г.

Цена 40 коп.

Многообразие жизни и театр

Алексей ДИКИЙ

Великолепный мастер русской сатиры А. В. Сухова-Кобылкин в уста своего героя Тарелкина — Копылова покостно бессмертно изрек:

«Не стало рыцаря деятеля — не стало воеводы передового полку. Всегда и везде Тарелкин был впереди. Едва зазвучит он, бывало, шум совершающегося преобразования или треск от ломки совершенствования, как он уже тут и кричит: вперед! Когда несли знамя, то Тарелкин всегда шел перед знаменем; когда объявляли прогресс, то он стал и пошел перед прогрессом — так, что уже Тарелкин был впереди, а прогресс за ним!»

Мне вспоминаются эти слова, когда я думаю о некоторых «рыцарях деятелях» нашего искусства, которые, стремясь «обогатить прогресс», искажали справедливое требование народа, что современный театр был трибуной для передовых идей, чтобы он пропагандировал новое, растущее, воспедал строителей коммунизма в их великих делах. Никто и никогда не говорил нам о том, что театр не должен вместе с тем клеймить старое, отжившее, все то, что мешает нам двигаться вперед.

Сегодня мы мучительно стараемся сформировать, кто же все-таки первым сказал: «Э!», кто повинен в том, что пьесы, вопреки жизненной правде, лишены того, без чего не существует драматургия, — конфликта? Одни склонны метать молнии в адрес Комитета по делам искусств и его работников, другие во всем обвиняют театральную критику, третьи — кого-то персонально... Мне лично кажется, что дело тут не в ведомственной принадлежности: «ревниители прогресса», готовые искануть, обратив в свою противоположность плодотворную мысль, есть и в комитете, и в критике, и среди нашего брата — театрального практика, и среди самих драматургов. Они талмудически твердили о «типичности» и «истинности», энергично работали жульником «клеветы на нашу действительность», авторитетно утверждали, что «в жизни так не бывает», и мало-помалу у нашей сцены оказались во многом отяжелели ее прямые и законные права — на страстное слово, на жизненно верный конфликт, на остроту театрального приема.

Отглянитесь вокруг — разве перевелись у нас в нашей постынке превращенной жизни отрицательные персонажи, а не просто «не очень хорошие»? Их можно встретить всюду — в этих людях, мешающих нашему росту, в суде, на улице, в общественном месте, в фельетоне газеты; их трудно встретить только в театре, где сальмонские спектакли несут на себе печать «говорок» и различных смелостей.

Главная задача нашего искусства заключается в том, чтобы показать лучшие черты характера советского человека. Но если задача эта плохо выполняется, связанная с тем, что драматурги и театры стали на неверный, противный реализму путь лакировки действительности. Образы многих положительных героев в спектаклях последнего времени, не раскрытые в действительности, в борьбе с отживающим явлением жизни, становятся пресными, невыразительными, лишеными ярких человеческих черточек, жизненной полноты.

Я подумал об этом, когда смотрел «Бронепоезд 14-69» в Центральном театре транспорта, где образом большевика Пеклеванова были приданы черты монопоности, почти святости, заслонившие живое содержание образа, его глупую и трудную судьбу. Это оказалось даже в гриме, даже во внешнем облике персонажа. Подпольщик Пеклеванов, человек, живущий бок о бок со смертью, все время пребывающий в состоянии нечеловеческого напряжения, предстал в спектакле аккуратным и пригладженным, точно вышедшим в эти таежные леса прямо из светлого и уютного райковского кабинета. А думали ли в Театре транспорта о бессонных ночах Пеклеванова, о его полной опасности жизни во вражеском лагере, о непопадающей его тревоге за исход борьбы? Если бы исполнителю роли принес с собой на сцену все эти немаловажные обстоятельства жизни героя и сумел через них показать всю его большевистскую непреложность, духовную ясность борца, сражающегося за великое и правое дело, — вот тогда тема мобилизации и преобразующей воли партии, намеченная в пьесе В. Иванова, прозвучала бы в спектакле во весь голос, чего, к сожалению, не случилось. Мне привелось видеть на обсуждении «Бронепоезда» исполнителя роли Пеклеванова — а подпольщик, как можно было это простое, выразительное, хорошее лицо актера облекать ореолом такой бутазовской красноты, такого абстрактного «благополучия», как это сделано было в Театре транспорта.

В результате лакировки жизни наш театр сегодня явно недостаточно выражает многообразие и богатство эпохи великих свершений. И это можно и думать о правдивом отражении нашей многогранной жизни, если на сцене стал чуть ли не единственным конфликт между хорошим и «плохим хорошим», с обязательной и непрекращаемо благополучным финалом произведения?

Эти дежурные «счастливые концы» — как много надуманного, мертвого вносили они в нашу драматургию! Ведь вот что удивительно: в редкой пьесе не ошибается один из ее героев, не совершает неверных поступков. Но к концу он непременно испугается свою вину, становится «хорошим». А ошибка — ошибка роковая, и не всякую ошибку можно исправить с ходу, в особенности, если это не случайная ошибка, но черты укоренившиеся, ставшие «второй натурой» героя. Общается профессор Дровцовский в «Законе чести» — в финале он закономерно осознает свою ошибку. Но вот, например, Твердова, персонаж пьесы

П. Вирты «Хлеб наш насущный», двадцать лет сидит на своем председательском месте и за эти годы окончательно утратила необходимую бдительность, превратилась в торжок для дальнейшего роста района. И фамилия ей дана не случайная, и словечко мелькает в пьесе — «твердовщина», и все-таки в финале верный утвердившемуся канону автор заставляет Твердову каяться, частично снимая тем самым проблему, затронутую им.

Помню, что и тогда, когда я репетировал роль генерала Горлова в пьесе Корнейчука «Фронт», находились осторожные люди, уговаривавшие меня «смягчить» финал. Показав Горлова сложным, готовым признать свою неправоту. Но Горлов у Корнейчука не может оказаться таким! Потому Горлов в театре уходил со сцены озлобленным, нераскаявшимся, ничего еще не понявшим, и вместе с ним уходила из нашей жизни горючница, потому что ее нельзя было ни преобразовать, ни приспособить к передовой военной науке, к порывам в самой могущественной — Советской Армии, — ее нужно было осудить безусловно, чтобы она не могла, как говорит в пьесе Мирон, «заблудить наше великое дело». Так понимал свою задачу и драматург, так понял ее и я. И думаю, мне, понял правильно.

Наша партия учит, что надо честно признавать свои ошибки для того, чтобы быстрее исправлять их и вперед не повторять их, — говорил Г. М. Маленков. — Но имеются горе-работники, которые усвоили только одну часть этого указания партии. Они непрерывно допускают ошибки в своей работе, признают их и затем со спокойной совестью делают их вновь. Не пора ли для пользы дела признать, что такие плодотворные на ошибки, незадачливые руководители являются тормозом для нашего движения вперед?

Условно-отрицательные персонажи многих наших пьес точно так же признают ошибки в финале, но далеко не всегда подобное признание внушает зрителю хоть какую-нибудь уверенность, что они не совершат этих ошибок вновь, что они будут попрежнему, как говорит одна из героинь Островского, грешить и каяться, грешить и каяться... В пьесе В. Овечкина «Настя Колосова» предположительно Силкин рассказывает поучительную историю о секретаре района, который, добравшись до строгого с предупредительным выговором за допущенные ошибки, в следующий раз вновь заплыл с выговора, продолжая, в сущности, все ту же линию. Мне жаль, что этот рассказ остался в самой пьесе Овечкина не реализованным, — неплохую комедию можно было бы написать на эту тему.

Эволюция художественного образа не подчиняется никаким предвзятим, заранее выработанным канонам. Обязательное раскрытие, точно так же, как и непременно упорствование в своих ошибках, если они не вытекают из существа данного человеческого характера, однако приводят к несправедливости, к схеме. Добротворский закономерно осознает свою вину, а Горлов закономерно ее не осознает. А вот, например, Зайцева из пьесы Софронова «Московский характер» мы умышленно не приводим в спектакле ни к традиционному покаянию, ни к изгнанию из среды честных людей.

С образом Зайцева в нашей прессе происходит, мне кажется, затененное недоразумение. До сих пор и автору пьесы и Малому театру предъявляют обвинения в том, что чиновника и пройдоху Зайцева они не изгнали и в финале из-за праздничного стола. А зачем? Зачем нужно было обязательно делать это, если в жизни еще существуют зайцевы — безудельные делатели, современные молчаливы, существуют и, нет-нет, да и оказываются вместе со всеми на праздничном торжестве? Автор и театр исходили из того, что такие, как Зайцев, легко сумеют приспособиться к новым обстоятельствам, ревностно исполняя «указания» перестроившегося Иполитова, и когда в финале спектакля «Московский характер» бесподобно разоблаченный и высмеянный Светловидный Зайцев как ни в чем не бывало возник где-то рядом с Потоповым за общим столом, это невольно настораживало зрителя, заставляло их внимательно оглядеться вокруг — не найдется ли и в их среде зайцевых, прятнувшихся под личной неотумоленной работничкой, «воевод передового полку». Мое мнение, что здесь мы не грешили против правды.

Подчиняясь надуманным и ложным схемам, мы суживаем широкое и волюное понятие реализма, оборачиваем сами себя, лишая театр многообразия изобразительных средств, которое соответствует великодушному многообразию жизни. Сопея недавно критик Р. Афанасьев в статье «О серьезном и смешном» («Советское искусство» № 31 от 16 апреля 1952 г.) попытался еще раз регламентировать права и обязанности советской комедии, установить «дозволенные» и «недозволенные» сюжеты для комедийного изображения. Богатство комедийных жанров Афанасьев сводит по существу, к одной единственной форме «исправительной» комедии, где хороший, но в чем-то отстающий человек критикуется автором и передовыми героями пьесы и осознает свою неправоту в последнем акте. Романчик из «Балетной роши» и Курочкин из «Свадьбы с приitanым» — только они милой сердцу критика. Не будем опрашивать истинность этих комедийных характеров, но скажем, что они, бесспорно, не единственные сегодня персонажи, которые подлежат осмеянию. И, например, представляю себе комедию, где не будет ни одного даже условно отрицательного персонажа, и

сатиры, где не будет совсем персонажей положительных, где критикуемые автором герои окажутся в конфликте с отношением зрительного зала, с тем положительным идеалом, который будет в жизни, являясь реальностью нашего времени. Афанасьев о сатирике упоминает вскользь, а слово волевым в его статье — откровенно бранное слово. Задумывался ли автор о том, что один из самых габриков русских драматургов — Чехов — превосходно писал волевики, что во многих пьесах Островского, в трилогии Сухова-Кобылкина живет элемент народного искусства, искусства фарса и райфа?

Мне кажется глубоко неправильным, что сегодня наш театр почти лишен громадного творческого капитала разнообразия жанров. Пьес с точными признаками жанра сегодня почти не встречается. Это ищелупует многие наши спектакли последнего времени, делая похожими друг на друга, как стрелые медные пятаки. Это снижает уровень актерского мастерства, лишает актера права на образное выражение драматургического материала. Мы изучаем наследие Станиславского в той его части, которая говорит о работе актера над собой и над ролью, о проникновении в текст и в подтекст, но мы оставляем без внимания замечательный опыт Художественного театра, умевшего точно угадывать жанровые и стиливые особенности каждого драматурга, каждой отдельной пьесы и учитывать эти особенности во всей сценической жизни спектакля, начиная от сверхзадачи и кончая произнесением последней реплики авторского текста.

Справедлива старая истина: все жанры хороши, кроме скучного. Я считаю совсем неправильным, что сатира, памфлет, реалистический фарс объявлены на нашем театре псынками, хотя на полных правах с остальными жанрами живут в нашем искусстве гневные карикатуры Курьяникова, сатирические басни Михалкина и Маршака, хотя совсем недавно доказала свою жизнеспособность комедия-памфлет Маяковского «Баня», передаваемая до радио.

За последнее время мы почти свели на нет право искусства на художественное преувеличение, на гиперболическую образность, его свойство, как в фокусе, собирать и показывать со сцены концентрированные явления жизни. Русские писатели-классики широко пользовались приемами сатирического преувеличения, создавая по-настоящему реалистические характеры; они умели найти типичное в самой невероятности своих «чрезвычайных происшествий». Недавно об этом мастерстве наших классиков напомнила «Правда», указав драматургам-современникам на пример Горла, на пример Салтыкова-Щедрина. Речь, мне кажется, идет не только о том, что в жизни есть еще достаточно сюжетов для сатиры, речь идет и о том, что самые приемы сатиры надо еще сдавать в архив.

Наш зритель, приходя в театр, хочет любить и ненавидеть, проливать слезы и озвучивать герою, попавшему в трудное и даже трагическое положение, и негодовать при виде явных злоупотреблений, мешающих нашему великому делу. Приходя в театр из самой гущи жизни, многообразной и богатой, зритель сразу отличает произведение искреннее и правдивое от ремесленной поделки и в свою очередь отвечает ее автору равнодушным и холодным. Никто уже не спорит: без жизненного конфликта нет драматического произведения. Однако, если вместо фальшивых пьес, лишеными конфликта и действия, появляются пьесы не менее фальшивые, но о которых разнообразная ради будет много отрицательных персонажей, это отнюдь не поправит дела. Сам по себе конфликт ничего не решает — это лишь право, которым нужно уметь воспользоваться. В «Карьере Бекетова», например, «конфликт» был налицо, а пьеса тем не менее искажала действительность и была справедливо отвергнута нашей общественностью. В «Велой вороне» Н. Виллякова конфликта не было, но существование конфликта автора заключается прежде всего не в неумении построить конфликт, но в шутливости, оглуляющей образы природы произведения. Ни в коем случае нельзя рассматривать возвращение в театр конфликта, как амнистия злоупотреблениям всякого рода или героям типа Бекетова; мы должны научиться мерить соотношение «отрицательного» и «положительного» начал в искусстве мерой действительной жизни.

Если мы примем все указания нашей партии о художественном творчестве, мы без труда убедимся в том, что это один и те же указания, заключенные в гениальной по лаконичности сталинской формуле: «пишите правду!». что партия не проводит никаких «кампаний» в области искусства, но годами внедряла в него единую систему взглядов, в основе которой лежат нерушимые принципы социалистического реализма.

До тех пор, пока наши драматурги и критики, наши актеры и режиссеры будут бояться показывать на сцене жизнь, как она есть, со всеми ее конфликтами, с ее хорошим, но и ее плохим, пока сегодняшние зайцевы от искусства будут «опережать прогресс», рассматривая указания партии, слово народа, как очередную «кампанию», как переходящее «поветрие», мы не выйдем из наших затруднений, не решим высоких задач, стоящих перед нашим искусством.

До тех пор, пока наши драматурги и критики, наши актеры и режиссеры будут бояться показывать на сцене жизнь, как она есть, со всеми ее конфликтами, с ее хорошим, но и ее плохим, пока сегодняшние зайцевы от искусства будут «опережать прогресс», рассматривая указания партии, слово народа, как очередную «кампанию», как переходящее «поветрие», мы не выйдем из наших затруднений, не решим высоких задач, стоящих перед нашим искусством.

Маяковский метал когда-то, чтобы столетием последнее заседание об искоренении всяческих кампаний, чтобы искоренении всяческих кампаний, чтобы всевозможные перестраховки были выведены, наконец, на свет божий и осуждены без помпы искусством смея в веселой и едкой комедии!

Триспа писем А. М. Горького

В Архив А. М. Горького поступило триста писем писателя к Е. П. Пешковой. Они охватывают период времени с 1895 по 1906 год и дают новый материал по истории партийной работы М. Горького. Особенно интересны письма 1904—1905 годов, как документы эпохи, как хроника событий, записанная участником, зорким наблюдателем, верно оценивающим перспективы развития революции.

В 1904 году М. Горький совершает ряд поездок по городам европейской части России с партийными поручениями. В 1905 году, 9 января, писатель целый день на улицах столицы в самых опасных местах. Вечером под свежим впечатлением он пишет большое письмо Е. П. Пешковой в Н.-Новгород. Сообщает о том, чему был свидетелем, объясняет смысл событий, говорит о начале революции. Осемью пишет о всеобщей забастовке, о похороках Блумана; о дебаржировке вооруженной ассамблеи в Москве рассказывает как его участник. Квартира писателя охраняется боевой дружиной. Это один из пунктов, через которые идет оружие революционному.

Много данных, проливающих новый свет и на другие моменты биографии великого пролетарского писателя, имеется в этих письмах. В них описывается «жизнь» в Н.-Новгороде в 1896 году, когда он в качестве корреспондента был на Всероссийской промышленной и художественной выставке; летний отдых 1897 года в селе Мануловке Полтавской губернии, где он организовал драматический кружок из крестьян и сам участвовал в нем в качестве режиссера и актёра; заключение в Метехский замок в Тифлисе; знакомство с А. П. Чеховым в Ялте.

Письма М. Горького из Америки вносят много новое штрихи в историю пребывания его в США, когда буржуазная печать поела неслыханную по своей гнусности и злопыхательству травлю знаменитого писателя, приехавшего, чтобы пометать царскому правительству получить заем, предназначавшийся на подавление революционного движения. Письма показывают, как быстро М. Горький разглядел лицемерие американской «демократии».

Сообщается в письмах и ряд фактов, важных для изучения истории творчества М. Горького. Благодаря им открываются новые неуслышанные художественные замыслы, уточняется время написания того или иного произведения, история отдельных повестей и пьес — «Мать», «Дачники» и других.

Архив получил также письма М. Горького к А. С. Серафимовичу и В. В. Вересаеву. Рассказы Серафимовича, как известно, печатались в сборниках типа «Знание». Письма Горького стояли под редакцией Четырех его писем к Серафимовичу (1903—1904) содержат отзывы о рассказках писателя и литературные советы. В одном из писем М. Горький восхищается новым читателем — простым трудовым народом.

22 письма М. Горького к Вересаеву, относящиеся к 1900—1912 и 1925 годам, посвящены, в основном, вопросам литературы. В них наша свое отражение упорная борьба М. Горького за подлинно реалистическое, демократическое искусство. Одно из писем 1904 года изображает тяжелые сцены мобилизации запасных солдат в Новгородской губернии в начале русско-японской войны. Изображены рисует здесь и ничтожную фигуру последнего царя. Письмо М. Горького, написанное в Финляндии 5 февраля 1906 года, передает его настроения накануне отъезда за границу.

СОВЕЩАНИЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ В УЗБЕКИСТАНЕ

В Ташкенте состоялось республиканское совещание переводчиков. Участники совещания заслушали доклад М. Шевердина «О состоянии работы по художественным переводам в Узбекистане и о мерах ее улучшения».

Докладчик отметил, что недостаточно меленно переводятся на узбекский язык произведения русской классической литературы. Узбекский читатель не имеет еще на своем родном языке многих произведений Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Л. Н. Толстого, Чехова. Не переведены на узбекский язык басни Крылова, не переведены произведения Беллинского, Добролюбова, недостаточно переводятся произведения Горького и Маяковского. В докладе была подвергнута критике неудовлетворительная работа секции перевода Союза советских писателей Узбекистана.

С докладом по вопросам художественного перевода на узбекский язык выступил А. Мухтар. Он рассказал о характерных ошибках в переводах на узбекский язык, о стремлении некоторых переводчиков сглаживать национальную самобытность оригинала. Особо А. Мухтар отметил отсутствие деловой связи между писательской организацией и республиканским издательством, в результате чего к переводам привлекались люди случайные и некавалифицированные. Был забракован ряд переводов и задержано издание нескольких крупных романов.

В прениях выступили писатели, переводчики, издательские работники. Совещание приняло резолюцию, отмечающую недостатки в развитии художественного перевода в республике и предложения по улучшению работы переводчиков.

ОРОШЕНИЕ ЗАСУШЛИВЫХ ЗЕМЕЛЬ

РОСТОВ-НА-ДОНУ. За хутором Веселым плещется протянувшееся на десятки километров Веселовское море. Бегут одна за другой, сверкая, серыми струями, волны. С помощью выстроенной наладке от плотины наосной станицы вода преодолевает большую возвышенность и затем плавно течет по Азовскому каналу. Система этого канала даст воду для поляна 35.000 гектаров засушливых земель.

Первыми воду приехали колхозники Веселовского района. С тех пор прошло немногим более тридцати дней. На наосной станице был слан в эксплуатацию второй агрегат. Вода проливнулась по каналу на территорию Багаевского и Аксайского районов. Колхозы и совхозы этих районов уже ведут поляна пшеницы, трав и других культур.

11 мая строители включили третий агрегат Веселовской наосной станицы. К полудню вода прошла последний на канале дюркер. Поднявшись на канале, открываются волоньским и живительная влага устремляется в постоянную орошаемую степь. К вечеру вода прошла под железнодорожной магистралью. Преодолевая последние километры пути, она стремительно бежит к колхозу имени Молотова. На стане первой полководческой бригады этого колхоза стоит вышка, на ней надпись: «Пикет № 922 — конечный пункт Азовского распределительного канала». Здесь, на последнем, 92-м километре канала, собрался строители, дачьборцы, руководители партийных и советских органов. Состоялся митинг, посвященный окончанию работ на канале.

Подготовка к приему в вузы

Кем быть? Этот вопрос сейчас волнует сотни тысяч десятиклассников, окончивших среднюю школу. 20 июня начнется прием заявлений о зачислении в высшие учебные заведения страны.

Московский энергетический институт имени В. М. Молотова недавно расстался по школам столицы, Московской и других областей специальный номер своей многотиражной газеты «Энергетик», где рассказывается о жизни института, о специальностях, которые в нем изучаются. Профессора и преподаватели провели во многих школах беседы с учащимися десятых классов.

Традицией стало ежегодное проведение в высших учебных заведениях «дня открытых дверей», позволяющего молодежи обстоятельно ознакомиться с лабораториями, учебными кабинетами, библиотеками вузов. Многие вузы организуют встречи студентов со школьниками, беседы руководителей кафедр, проводят математические, географические и другие олимпиады, лабораторные занятия и лекции, знакомят учащихся с последними достижениями науки.

Все это направлено к тому, чтобы облегчить молодежи выбор будущей специаль-

ности, помочь найти ответ на вопрос, кем быть.

Как сообщили корреспонденту «Литературной газеты» в Министерство высшего образования СССР, вузы примут осенью 372 тысячи студентов — значительно больше, чем в прошлом году.

Особое внимание уделяется приему в высшие учебные заведения, готовящие специалистов по гидротехническим сооружениям, геологии, угольной и нефтяной промышленности, агролесомелиорации, механизации и электрификации сельского хозяйства, новой технике.

К 1952/53 учебному году организуется ряд новых учебных заведений. В Ижевске (Удмуртская АССР) открывается механический институт; при нем организуется также вечернее отделение. В Минске создается институт механизации сельского хозяйства. В Сталинграде — институт инженеров горного хозяйства, Кызыле (Туви́нская автономная область) — учительский институт. Новые педагогические институты открываются в Петрозаводске (Карело-Финская ССР), Балахове (Саратовская область) и других городах.

ответвления на Раздольное. Сделаны топографические съемки будущих водохранилищ у сел Фронтное, Станционное и в Чатыр-Юльском балке, а также в местах, где канал пересечет железнодорожные и автомобильные магистрали, реки и другие препятствия. Проложены трассы открытых каналов на Феодосию и Керчь.

Изучая условия грунтов и глубины залегания подпочвенных вод на местах будущих каналов, геологи и почвоведы составили почвенную карту на площадь в 380.000 гектаров.

Проект Северо-Крымского канала

СИМФЕРОПОЛЬ. Крымская комплексная экспедиция Всесоюзного института «Гидроводлопек» закончила составление проекта Северо-Крымского канала. Как сообщил начальник экспедиции А. Крылов, эта мощная оросительно-обводнительная система явится основной базой для переброски природы Крыма. Она оросит водами Днепра 300.000 гектаров земель степной части Северного Крыма и обводнит 700.000 гектаров безводных земель Керченского и Тарханкутского полуостровов.

Изыскатели наместили трассу канала и его

Устранить перегрузку школьников

Важнейшая задача школы — дать растущему поколению общее образование, вооружить учащихся полными научными знаниями о природе, человеческом обществе и мышлении. Объем знаний, накопленных науками, исключительно обширен. Общеобразовательная школа не может и не должна излагать науки во всей их полноте. В ее задачу входит, безусловно, обеспечить твердое и прочное усвоение основ каждой науки, то есть познакомиться с основными фактами, законами и теориями науки, дать учащимся ключ к пониманию явлений, изучаемых той или иной группой наук, дать в руки руководящую путеводную нить для дальнейшего углубления знаний в высшей школе или путем самообразования. Между тем, некоторые педагоги, работающие над составлением школьных программ и учебников, забывают эти основные указания ЦК ВКП(б) и стремятся дать в школьных курсах по основам науки, а возможно более полное и подробное ее изложение, чтобы «ничего не упустить». А так как объем научных знаний непрерывно возрастает, то по мнению этих педагогов, неизбежно должен возрастать и объем школьных программ и учебников: ведь они не могут отставать от современного уровня науки. Так рождается «теория», пытающаяся доказать необходимость непрерывного увеличения объема школьных курсов и невозможность устранить перегрузку программ и учебников.

Но если следовать этой «теории», то при бурном развитии в нашей стране науки, техники, литературы, искусства объем школьных курсов вскоре окажется столь огромным, что для изучения этих курсов нехватит и целой человеческой жизни. Очевидно, «теория» прямой пропорциональной зависимости объема общеобразовательных курсов от возрастающего объема соответствующих наук является ложной в своей основе. Под прикрытием этой ложной «теории» правильная установка на больший объем знаний превращается в непрерывно действующую практику перегрузки школьных программ и учебников частотностью и деталями. Если бы наша педагогическая наука развивалась так же бурно и плодотворно, как растут и развиваются у нас другие науки, она давно бы разгромила эту порочную «теорию» и нашла бы правильный выход из положения.

Но педагогическая наука все еще отстает от жизни и до сих пор не дала ответа на многие острые вопросы, в том числе и на вопрос о причинах перегрузки школьников и путей ее устранения. Что же касается Министерства просвещения РСФСР, то оно, как это явствует из недавнего приказа министра, считает основным виновником перегрузки — учителя.

Правда, в статье заместителя министра просвещения А. Г. Орлова, справедливо выступившего в «Учительской газете» против перегрузки учащихся домашними заданиями (статья так и называется — «Не перегружайте учащихся домашними заданиями»), признается, что перегрузка «в известной мере зависит и от несовершенств некоторых ныне действующих школьных программ и особенно учебников, от излишней загруженности их порой необязательными, второстепенными понятиями, фактами, датами и т. п.». Но все же он главным вином возлагает на учителя, а для их усовершенствования: «Министерство просвещения принимает и будет принимать необходимые меры к совершенствованию школьных программ и учебников, к сокращению их, к устранению в программах и учебниках всего того, без чего можно обойтись, не нарушая при этом ни системы знаний, ни строгости программ».

Работа по усовершенствованию школьных программ и учебников действительно уже давно ведется Министерством просвещения и Академией педагогических наук РСФСР, но ведется крайне медленно и вяло. Что же получается в результате?

Об этом красноречиво говорит сам же заместитель министра в упомянутой выше статье: «...дети, обучающиеся, к примеру, в 8-х классах (а им 14 лет), после 6 уроков в школе вынуждены делать уроки». Это означает, что рабочий день восьмиклассника достигает... 12—13 часов, то есть обычного превышает день иного аспиранта.

Не говоря уже о неадекватности такой дозе умственного труда с гигиенической точки зрения, перегрузка лишает детей досуга. Под досугом некоторые склонны понимать «ничего неделание». Но это глубоко ошибочная точка зрения. Досуг необходим ребенку для того, чтобы прочесть интересную книгу, побывать в театре или концерте, заняться спортом, музыкой, радиотехникой и т. д. Все это дает возможность каждому школьнику развивать свои способности в тех областях науки, техники, искусства, в которых у него больше склонностей. Чем меньше досуга, тем меньше возможностей для развития индивидуальных склонностей и талантов.

Если лишить детей этой возможности, что совершенно ясно, что большая часть знаний, полученных учащимися, в практической жизни улетучивается... Конечно, можно выпустить из среднего учебного заведения человека, набитого знаниями, как мешок, но ведь не это является нашей целью. Нет, наша цель — выпустить из средней школы человека, обладающего определенной суммой знаний и умеющего применить эти знания в практической жизни» (М. Калинин).

В чем же действительные причины перегрузки школьников? Верно, конечно, что многие учителя действительно допускают произвольное расширение объема учебного материала. Но основные причины все же вадо искать в перегруженности учебных планов, программ и учебников, в несовершенстве методики преподавания, в отсутствии должной заботы о повышении квалификации учителей.

О том, насколько действительно перегружены программы, свидетельствует следующий пример. В программе по литературе IX класса имеется тема «В. Г. Белинский». За 6 часов, отведенных на эту тему, надо изучить такие вопросы: «Белинский — основоположник русской реалистической критики», «Борьба Белинского за «натуральную школу», «Пародность ли-

Мих. СКАТКИН,
член-корреспондент Академии педагогических наук РСФСР

ратуры в понимании Белинского», «Взгляды Белинского на задачи литературы и искусства», «Белинский как философ-материалист» и т. д. — всего 14 таких же больших, серьезных вопросов.

По поводу этой темы учитель Мантуровской средней школы № 2 Костромской области И. С. Сулов пишет: «На все эти вопросы, пожалуй, может ответить только выпускник литературного факультета института. В шесть часов, отведенных программой, указанные вопросы по существу глубоко, конечно, изучить невозможно».

Перегрузка программ непрерывно увеличивается в связи с тем, что в программы включаются все новые и новые темы и вопросы. Так, только за последние несколько лет в программы лишь по трем учебным предметам — истории, литературе и биологии — включено 12 новых тем, рассчитанных на 6, 9, 12 и более часов. Часы на новые темы обычно «выкраиваются» за счет сокращения часов на другие темы, но это сокращение часов отнюдь не всегда сопровождается соответствующим сокращением учебного материала этих тем.

Уже в настоящее время можно было бы многое сделать для усовершенствования программ и учебников.

Прежде всего в каждом учебном предмете необходим тщательный отбор фактов, законов, понятий. Не следует гнаться за объемом фактов и обременять память учащихся огромным количеством дат, цифр, названий, событий. Фактов необходимо давать немного, но они должны быть такими, чтобы в них наиболее очевидным образом выступали существенные признаки и закономерные связи, отображаемые соответствующими понятиями и законами науки.

Непревзойденным образцом такого тщательного отбора руководящих положений и фактов является сталинский краткий курс истории ВКП(б). Из огромного количества фактов, вмещенных на протяжении всей истории большевистской партии, отобраны наиболее значительные, сыгравшие важную роль в историко-революционном процессе, необходимые для понимания закономерного хода событий, для обоснования теоретических выводов и обобщений. Из всей огромной сокровищницы теоретических идей марксизма-ленинизма отобраны и с предельной четкостью кратко изложены основные положения диалектического и исторического материализма, основные законы общественного развития и политической борьбы.

А учеников V класса автора учебника по истории древнего мира заставляют учить: «Шумеры объединились в города-государства. Из шумерских городов были наиболее известны Ниппур, Ур, Урук, Лагаш и др. Во главе каждого города-государства стоял правитель — патеси, который управлял вместе со знатными... Всеваши шумеры и с государством к востоку от них — Эламом. Около 2.350 года до н. э. правитель области Акиад (к северу от шумеров) по имени Саргон объединил все города Двуречья в одно царство».

В семи строчках учебника дается десяток названий-терминов, с семь из которых напечатаны в разрядку, т. е. предельно кратко для запоминания. Ребята, конечно, должны знать, что были шумеры, где и когда они жили, но зачем заставлять детей выучивать сухой текст, загроможденный мучительными названиями? Нужно ли одиннадцатилетним детям запоминать, что патеси области Акиад по имени Саргон объединил все города Двуречья, что государство Элам находилось к востоку от шумеров, а область Акиад к северу? Таких примеров можно привести немало.

Погона за объемом фактических сведений приводит к невероятному «раздуванию» учебников. Учебник по истории СССР под редакцией А. М. Панкратовой достигает, например, почти тысячи страниц. В старших классах по ряду предметов учебникам приходится выучивать до 10 страниц текста к одному уроку, причем на некоторых страницах встречается до 20 новых терминов-понятий.

Перегрузка выражается не только в обширном объеме программ и учебников, но также в излишней их детализации, в оперировании терминами-понятиями, не доступными для детей данного возраста.

Так, например, десятилетним детям в учебнике по истории (IV класс) сообщаются следующие термины-понятия: барщина, оброк, бояре, дворяне, сенат, мануфактуры, ассамблеи, эксплуатация, мелкобуржуазные политики, соглашатели, казеты, асеры, меншневки, интервенция, тресты, синдикалы, гегемон, государственная собственность, кооперативно-колхозная собственность, социалистическая собственность, образовательный ценз.

Еще более сложный и отвлеченный материал дается детям одиннадцати лет в учебнике по истории древнего мира. После параграфов «Софисты» и «Сократ» идет «Платон и его ученики». Здесь говорится: «В противоположность Демокриту Платон считал, что основой мира является не материя, а бог, мысль или идея. Платон был первым крупным идеалистом. По сравнению с Демокритом Платон сделал шаг назад от попытки научного объяснения природы и общества».

Автор учебника свободно оперирует понятиями: «Философия», «материя», «идея», «материализм», «идеализм» и т. д., забывая, что он пишет для одиннадцатилетних детей, ум которых еще не созрел для сознательного усвоения этих наиболее абстрактных философских категорий.

По поводу курсов истории и литературы в старших классах учителя справедливо замечают, что либо надо ввести просветительский курс диалектического и исторического материализма, либо ограничить какими-то пределами пользование философскими понятиями.

К. А. Тимирязев, работав над книгой «Жизнь растений», сократил до минимума ненужный для понимания основных идей материал по анатомии растений, знание которого обязательно для специалиста-ботаника, но совсем необязательно для человека, получающего общее образование. А, например, в учебнике зоологии школьников VII класса изучают следующие птиц: грач, страус, ласточка городская, галстак до-

ревенская, дикая утка-кряква, серая цапля, большой нестрий дятел, сокол-сапсан, домовый сыч, куры, гуси, утки, индейки. Кроме указанных птиц, о которых детям сообщается более или менее подробные сведения — строение, биологические особенности, образ жизни, польза или вред, приспособимые человеку, — в учебнике даются еще краткие сведения о таких птицах, как воробьи, сороки, рябчики, тетерева, вороны, кукушка, журавль, осаянка-дубровник, жаворонок, синичка-ремес, стриж-саланган, кулик, голубь, скворец, ястреб-перепелятник, ястреб-тетеревитник, болотный лунь, стриж, розовый скворец, кобчик, степной орел, сова, куропатка, перепелка, дрофа, гадга, фазан, пустельга, а также много пород домашних птиц.

Положительный опыт построения некоторых учебников подсказывает необходимость разделения материала для запоминания и дополнительного для расширения кругозора и удовлетворения любознательности детей. К обязательному материалу следует отнести важнейшие факты, основные понятия и законы, знание которых должно обеспечить действительное, прочное и систематическое усвоение основ наук. Подбор такого материала надо проводить в полном соответствии с возрастными особенностями учащихся и излагать его надо возможно более четко и кратко. Дополнительный материал может быть дан в виде рассказов для чтения, написанных в живой, иногда даже беллетристической форме. Он может быть помещен в конце учебника или выделен в тексте другим шрифтом.

Кое-кто может высказать опасения, что разделение материала в учебниках на обязательный и необязательный приведет к снижению уровня образования, к отрыву обучения от фактов. Эти опасения совершенно не обоснованы. Уровень образования не только не снизится, а, наоборот, повысится, если за счет сокращения заучивания обязательного описательного материала второстепенного значения, требующего преимущественно работы механической памяти, будут обеспечены более основательное изучение главнейших фактов и идей науки и развитие самостоятельного мышления детей. Голова ученика не должна превращаться в справочник. В памяти учащихся обязательно должны закрепляться факты, события, даты, названия и т. д., но как неоднократно подчеркивалось в постановлении ЦК ВКП(б) о школе, речь должна идти о запоминании важнейших сведений, основных фактов, необходимых для сознательного усвоения выводов и обобщений.

По тому же разделу «Птицы», о котором говорилось выше, в курсе зоологии VII класса достаточно было бы основательно изучить строение и биологические особенности нескольких птиц, сообщить о происхождении птиц, о содержании и кормлении домашних птиц, инкубации и развитии птицеводства в СССР. Весь остальной материал, знакомый детям с многообразием диких и домашних птиц, с особенностями их строения и жизни, мог бы быть дан в серии рассказов хрестоматийного характера, не обязательных для заучивания. Уже одно это сразу сократило бы почти вдвое объем учебного материала, подлежащего запоминанию.

Сказанное о биологии относится и к многим другим предметам, в содержание которых входит материал описательного характера. Например, в учебнике по истории древнего мира (V—VI классы) на одной странице дан перечень семнадцати греческих богов. Каждому богу отводится от 1/3 до 3 строк текста. О характере изложения материала можно судить хотя бы по следующему отрывку: «После победы Зевс распределил между собой и своими приверженцами власть над всей вселенной. Сам он считался богом грома и молнии. Его жена Гера стала владычицей неба. Брату своему Посейдону Зевс предоставил во владение море, а другому брату, Аиду — подземное царство. Аполлон стал богом света и поэзии; под его властью находились девять муз, провозглашавшие искусство и науку».

Что, кроме скуки, может вызвать у детей этот сухой перечень имен богов с краткими сведениями айтичного характера о роде занятий каждого из них?

Столь же схематично изложены греческие мифы. Так, например, о Геракле дети должны запомнить, что «он убил льва, который наводил ужас на людей и поел скот у жителей города Нем (в Аргонде)»; в другом месте он убил страшную девятиглавую гидру, которая пожирала людей и животных. В Аркадии Геракл расправился с ужасными птицами, имевшими медные когти и клювы», и т. д.

Вместо того, чтобы обременять память детей этим сухим перечнем убитых чудовищ и названий мест, где это произошло, не лучше ли было бы дать в учебнике несколько хороших рассказов для чтения, содержащих более полное и художественное изложение отдельных мифов, чтобы дети могли почувствовать всю прелесть древнегреческого эпоса, богатство и яркость образов и глубину мыслей?

Разумно проведенное сокращение программ и учебников даст возможность более основательно изучать учебный материал. «Я не сторонник перегруженных программ», — писал М. И. Калинин, — «...меньшая программа, будучи хорошо проработана и понята учащимися, даст более значительные результаты в обучении молодежи, чем перегруженная программа, которую педагог вынужден проходить в ускоренном порядке».

Сокращение программ и учебников позволит более рационально построить и учебный план школы, в частности ликвидировать шестые уроки.

Пора Министерству просвещения и Академии педагогических наук от слов перейти к делу и дать, наконец, школе хорошие программы и учебники, содержание которых полностью соответствовало бы отводимому учебному времени и возрастным особенностям детей. В этом заинтересованы самые широкие слои нашей общественности, об этом постоянно говорят родители, педагоги, врачи, комсомольские работники.

Самое лучшее разумеется, что такая работа не может делаться наспех и что никакая лопка действующих программ не может быть допущена сейчас, в дни учебных занятий. Это намело бы только ущерб делу. Однако к новому учебному году следует в программах некоторых основных предметов устранить имеющуюся пере-

Советские люди любят и ценят книгу. С большим вниманием в нашей стране относятся к старинным книгам, с которыми связаны воспоминания о великих людях.

12 октября 1920 года В. И. Ленин подписал декрет «Об учреждении Уральского государственного университета». Правительство предложило укомплектовать библиотеку нового университета из книжных фондов высших учебных заведений. В числе полученной литературы оказалась и часть редких книг из библиотеки царского лицея на русском, французском, английском, немецком, латинском и греческом языках.

Среди этих книг — «Ироническая повесть о походе на полковца удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославовича» («Слово о полку Игореве»), изданная в Москве в 1800 году; произведения «Фернейского злого крикуна» Вольтера, которого так любил Пушкин; томик Жак-Жака Руссо, Ричардсона и много других, которые читал великий русский поэт, будучи лицензиат.

Уральский университет бережно хранит эти книги.

НА СНИМКЕ: работники научной библиотеки Уральского государственного университета имени А. М. Горького Р. Н. Стрехова и М. В. Бунчук за обработкой книг царского лицея.

Фото С. ВАСИНА

СВЕРДЛОВСК

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Почему забыли Мамарасула Юлдашева?

Как-то в одну из поездок по степи, застигнутой непогодой, я заочевал в доме старого чабана Мамарасула Юлдашева. Тот всю долгую дождливую ночь мы провели в беседе. Товарищ Юлдашев подробно рассказывал о себе.

В 1923 году он, тогда еще простой дехканин, нашел в речной долине под горами камешки, поразившие его своим белесым блеском. О своей находке он сообщил геологам. Оказалось, что это был ценный металл. С того времени Юлдашев становится проводником геологоразведывательного отряда. Хорошо знакомый с местностью, Мамарасула Юлдашев оказал геологам значительные услуги: помог разведать богатейшие месторождения. Потом, когда возник рудник, Юлдашев в числе первых стал на нем работать. В дни Отечественной войны, проведя на фронт двух сыновей, Мамарасула сам спустился в шахту и несколько лет проработал в забое. Лучшего стахановца, отличника социалистического соревнования М. Юлдашева Министерство цветной металлургии СССР отменило почетным листом. В 1943 году он был награжден грамотой Президиума Верховного Совета Узбекской ССР.

Педанье мне довелось побывать на прииске. Это поистине новый, полностью благоустроенный город, с капитальными строениями, с прямыми улицами, с клубами и кинотеатрами. Признаться, я искал что-либо напоминающее о Мамарасуле Юлдашове. Обшел весь прииск, но тщетно: первооткрывателя здешних богатств забыли.

В технической библиотеке я прочел, что месторождение было открыто «благодаря старому кышлаку Чия, Мамарасулу Юлдашеву». В книгах я видел иллюстрации, и на двух из них запечатлен М. Юлдашев.

В 1948 году Юлдашев по состоянию здоровья уволился с рудника. Но чем объяснить, что ему не назначена пенсия, не отмечено его двадцатипятилетний трудовой стаж?

Почему общественные организации рудника предали забвению имя этого человека? Министерство цветной металлургии, ЦК профсоюза рабочих цветной металлургии обязаны достойно отметить почетный труд и подвиг скромного чабана Мамарасула Юлдашева.

Отны приписка к городу, видимые на десяти километрах, каждодневно напоминают о нем.

Ю. КОЛУШКИН,
старший зоотехник областного управления сельского хозяйства

САМАРКАНД

Скучно в клубе писателей...

Первые годы после освобождения Одессы от гитлеровских оккупантов одесское отделение Союза советских писателей Украины находилось в маленькой тесной коммуналке. При проведении «литературных четвергов» половина слушателей не помещалась в комнату, люди стояли в коридоре.

Когда был капитально отремонтирован Пушкинский дом, литераторам Одессы предоставили в нем прекрасные большие комнаты — залы, в которых и разместилось одесское отделение Союза советских писателей Украины и клуб писателей.

По прошле год, прошла другая, а в новом помещении массовая работа так и не развернута.

По четвергам любители литературы собираются в клуб. В ожидании начала занятий участники их бродят по большим необжитым залам.

В клубе писателей пустошно и скучно. Нет ни библиотек, ни читальни...

Есть недочеты и в самом содержании «литературных четвергов». Мы обсуждаем почти исключительно произведения начинающих, молодых литераторов. Это большая часть слабые произведения. А творчество зрелых писателей, как правило, на «четвергах» не обсуждается. Нормально ли такое положение? Способствует ли оно творческому росту молодежи?

В. БЕРЕЖНОЙ,
член литературной студии, рабочий артели «Трудовик»

ОДЕССА

ПОЭЗИЯ ЗНАНИЯ

Иных это поразило: научных трактат уместнее высшей награды не только в одном ряду, но наравне с популярной книжкой, почти поэтическим этюдом... Однако в этом есть глубокий смысл. Труд «Микроструктура света» — итог многолетних исследований выдающегося физика-теоретика и оптика экспериментатора — посвящен развитию новых представлений о прерывной, квантовой природе света. «Глаз и Солнце» — рассказ ученого о том, как эта новая наука на своих многообразных путях обнаружила подлинную связь глаза и солнца. Что общего между этими столь различными книжками? Да то, что обе они являются воплощением единого призвания ученого: не только самому работать в науке, но и делать научное творчество достоянием широчайших народных масс.

В одной из своих статей о научно-просветительской пропаганде («Долг советской интеллигенции») С. И. Вавилов настоятельно подчеркивал ту мысль, что «Развертывая последовательную материалистическую картину мира на основе данных науки, мы формируем мировоззрение масс». Именно такое задание книги «Глаз и Солнце». Она не только сообщает сведения, но и популярным, доступным материалом воспитывает у читателя понимание и даже умение научно мыслить. А это не только способность к логичному суждению. Это — умение постигать диалектику мира.

И если существует еще кое-где в научной среде барски пренебрежительное отношение к участию ученых в создании научно-популярных книг, — а что греха таить, недрожать эти настроения сказываются и в жизни академических институтов, — может ли быть более убедительной отповедь им, чем увещание Сталинской премией первой степени научного труда С. И. Вавилова и общедоступного изложения основанной на нем научной и философской концепции.

В творчестве С. И. Вавилова отчетливо проявились черты своеобразия нашей научной популярности, которые позволяют говорить о советском ее стиле.

На страницах книги «Глаз и Солнце» читатель почти не встретит утверждений, подкрепленных единственно лишь авторским авторитетом («Пускай даже несомненным»). Вместо этого его приглашают сделать за движением научной мысли. Следствия здесь не оторваны от исходных фактов, разгадки — от вызвавших их вопросов. Увлеченный читатель сам участвует в процессе познания. Вот оно, исполнение горьковского завета — «показывать науку как мастерскую, а не как склад готовых открытий».

Наиболее интересен в этом отношении раздел книги, посвященный истории познания особенностей развития и работы человеческого глаза. От червя, зрительные клетки которого, соединенные с нервными волокнами, распределены равномерно по всему телу, не позволяя говорить об изображении; от ракушки, которая воспринимает свет зрительным углублением, что дает ей возможность определять лишь цвет и температуру света; от шарообразного глаза скorpиона, напоминающего первый микроскоп Леевенгука с «линзами» из меловой кальки; — автор подводит читателя к устройству глаза у позвоночных, похожего на человеческий. Ознакомление с ходом биологической эволюции облегчает нам понимание тонкого механизма действия человеческого глаза.

Опираясь на собственные работы по исследованию микроструктуры сетчатки, Вавилов проводит читателя через оптические опыты, которые показывают, что глаз способен обнаруживать и отмечать отдельные кванты, частицы света! Кем-то сказано, эти опыты, помимо своего значения для теории света и глаза, вооружили исследователей новыми

способами изучения сетчатки глаза у здоровых и больных людей.

Но «солнечность» глаза яснее всего сказывается в том, как отвечает он на спектральный состав света. В безграничном спектре световых лучей видимая их часть занимает узенькую полосу. Мы можем еще с трудом увидеть ультрафиолетовые лучи сравнительно длинных волн. Более коротковолновые ультрафиолетовые лучи сильно поглощаются в хрусталике глаза, и только ничтожная их доля доходит до сетчатки. Но, поглощаясь, они вызывают собственное голубое свечение глаза, которое также воспринимается сетчаткой. Если посмотреть на мощный источник ультрафиолетовых лучей (например, на мощную ртутно-кварцевую лампу) через окрашенное стекло, задерживающее все видимые лучи и пропускающее ультрафиолетовые, то все окружающее кажется наполненным синеватым туманом, похожим на табуаный дым. Это «дым» — флуоресценция, «холодное свечение» самого глаза, замечаемое сетчаткой. Еще более короткие ультрафиолетовые лучи опасны для зрения, они разрушительно действуют на орган зрения. Но глаз, как уже сказано, хорошо защищен от этих вредных волнаний.

Столь же интересен разбор вопроса о том, почему глаз перестает видеть в области инфракрасных лучей. Это объясняется не менее уважительными причинами. Свет излучают все нагретые тела. У малю нагретых тел, в том числе и у человеческого тела, все излучение сосредоточено в инфракрасной части спектра. Излучает инфракрасные лучи и внутренность глаза. Если невидимый инфракрасный свет стал видимым так же, например, как зеленый, мы увидели бы глаз освещенным изнутри как бы миллионами свечей. По сравнению с этим внутренним светом померкло бы даже солнце. Человек видел бы только внутренние излучения своего глаза и ничего больше.

Так, на основе данных новейших исследований в области световосприятия, теоретической оптики, физиологии зрения и читателя постепенно формируется принципиально важное представление о глазе, как итоге изменений организма под действием внешнего света, приспособления его к солнечному свету на Земле.

Относись с полным доверием к читателю, С. И. Вавилов смело вводит в свое изложение понятия, поражающие подчас своей необычностью, иногда сложные для восприятия, но помогающие осветить описываемые явления с новой, неожиданной стороны, перекинуть между ними мосты-связи, о которых читатель иной раз и не подозревает. Так широко и привольно мыслить может только настоящий большой ученый или писатель, обладающий полнотой научного знания. Эта открытость мысли недоступна переказчику, переводчику с языка науки на язык общелюдности. Против них, против этих серьезных «посредников» направлены строки книги Вавилова, в которых он протестует против сведения популярности к полному эмпирическому объяснению и упрощенчеству. Наиболее драгоценное качество популяризаторской работы С. И. Вавилова — ее боевая материалистическая направленность. Основная прелесть собственного своего творческого пути — важность глубокого изучения марксистско-ленинской теории. Вавилов во всей своей научно-популярной деятельности был и остается человеком, который не только не протестует против сведения популярности к полному эмпирическому объяснению и упрощенчеству. Наиболее драгоценное качество популяризаторской работы С. И. Вавилова — ее боевая материалистическая направленность. Основная прелесть собственного своего творческого пути — важность глубокого изучения марксистско-ленинской теории. Вавилов во всей своей научно-популярной деятельности был и остается человеком, который не только не протестует против сведения популярности к полному эмпирическому объяснению и упрощенчеству.

Всем, пишущим о науке, нужно под этим углом зрения особенно тщательно изучить книгу «Глаз и Солнце», почитать на ней искусство пропаганды материализма.

Олег ПИСАРЖЕВСКИЙ

ПО СЛЕДАМ ВСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ДЕЛО, КАЗАЛОСЬ БЫ, ЗАКОНЧЕНО...»

Под таким заголовком в «Литературной газете» 17 января 1952 года было опубликовано читательское письмо. Речь шла о СССР, что Министерство здравоохранения средств связи СССР проявляют недостаточное внимание к производству батареек для слуховых аппаратов и снабжению ими нуждающихся.

В ответ на эту критику в редакцию поступило письмо заместителя министра здравоохранения СССР тов. Шабанова. Он пишет:

«С начала 1951 года снабжение батареек лиц, пользующихся слуховыми аппаратами, было передано Министерству здравоохранения СССР. Последнее возложило снабжение батареек на главные аптечные управления министерств здравоохранения союзных республик.

Однако многие из них не уделали должного внимания этому важному делу, не выявили действительной потребности в батарейках и не организовали бесперебойной их продажи.

«ПОРОКИ ДВУХ МОНОГРАФИЙ»

Под таким заголовком в «Литературной газете» была помещена статья, подвергшая критике ошибочные положения и фактические неточности в книгах А. Ишука «Леса Украины» и Е. Кириллова «Гарас Григорьевич Шевченко». Эта статья, так же как и выступления газеты «Правда Украины» и журнала «Вільшювы України», была обречена в Союзе советских писателей Украины и в Институте украинской литературы имени Т. Г. Шевченко Академии наук УССР.

Объединенное заседание Комиссии теории литературы и критики ЦСПУ и редакция «Литературной газеты» признало «Держлітвидав» признало критику книги А. Ишука «Леса Украины» правильной.

В связи с письмом проф. Якимова в редакцию «Литературной газеты» Министерство здравоохранения СССР предложило аптекоуправлениям на местах обеспечить бесперебойную продажу батареек к слуховым аппаратам.

Одновременно с этим Министерство здравоохранения СССР обратилось к министру промышленности средств связи СССР тов. Алексееву с предложением дополнительно выделить батареек на 1952 год.

Получен также ответ и от заместителя министра промышленности средств связи СССР тов. Спешова, который сообщил: «План выпуска батареек в 1952 году является увеличивающимся по сравнению с планом предыдущего года. По заказам Министерства социального обеспечения и Министерства здравоохранения в 1952 году будет поставлено почти вдвое больше комплектов батареек».

В заключение письма говорится, что все заказы на батарейки для слуховых аппаратов полностью приняты к исполнению.

Авторы предложили учесть при его дальнейшей работе критику книги в печати и в выступлениях на заседаниях.

Открытое партийное собрание Института украинской литературы имени Т. Г. Шевченко Академии наук УССР признало, что статья «Пороки двух монографий» подвергает работу Е. Кириллова «Гарас Григорьевич Шевченко» справедливой критике. Нелюбов к Шевченко — это не конец, продолжаясь о том, что автор еще не до конца преодолел серьезные идеологические ошибки, бывшие в прошлом в его работе. Партийное собрание в своей резолюции обратило внимание Е. Кириллова на необходимость окончательного преодоления рецидивов ошибок буржуазно-националистического характера.

ВОСПИТАНИЕ ВОСПИТАТЕЛЕЙ

С. БАБЕНЫШЕВА

Елена Пикитина — классный руководитель, ей удается объединить учащихся в маленький коллектив, но этот микроколлектив не существует в отрыве от всей школьной системы.

Она всегда позиционирует себя педагогом, а не воспитателем. Педагогическая деятельность — это работа с детьми, а воспитатель — это работа с родителями.

Так, например, изображены разногласия в семье педагогов Поляковых. Геннадий Яковлевич Поляков, — пишет В. Туренская, — даже к маленьким детям обращается с подчеркнутой вежливостью.

Старший спор. Речь идет, конечно, не только об интонации, о манере разговора учителя с учеником, спор более широкий — о поведении учителя, о месте учителя среди учащихся.

Достоинства книги — в ее радости, позитивной эмоциональности, но часто это достоинство обращается в недостаток, приподнятость — в ложную патетику.

Главную героиню произведения Елену Пикитину любят двое студентов — Семен и Сергей. Елена испытывает к обоим дружеское чувство, сердце ее молодостью «зашищено» от любви.

«Зрелость» — первая книга В. Туренской. В первую книгу всегда хочется вложить все богатство жизненного материала, знаний, наблюдений, но книга не выдерживает, «разваливается по швам».

«Зрелость» — первая книга В. Туренской. В первую книгу всегда хочется вложить все богатство жизненного материала, знаний, наблюдений, но книга не выдерживает, «разваливается по швам».

«Зрелость» — первая книга В. Туренской. В первую книгу всегда хочется вложить все богатство жизненного материала, знаний, наблюдений, но книга не выдерживает, «разваливается по швам».

«Зрелость» — первая книга В. Туренской. В первую книгу всегда хочется вложить все богатство жизненного материала, знаний, наблюдений, но книга не выдерживает, «разваливается по швам».

«Зрелость» — первая книга В. Туренской. В первую книгу всегда хочется вложить все богатство жизненного материала, знаний, наблюдений, но книга не выдерживает, «разваливается по швам».

«Зрелость» — первая книга В. Туренской. В первую книгу всегда хочется вложить все богатство жизненного материала, знаний, наблюдений, но книга не выдерживает, «разваливается по швам».

«Зрелость» — первая книга В. Туренской. В первую книгу всегда хочется вложить все богатство жизненного материала, знаний, наблюдений, но книга не выдерживает, «разваливается по швам».

«Зрелость» — первая книга В. Туренской. В первую книгу всегда хочется вложить все богатство жизненного материала, знаний, наблюдений, но книга не выдерживает, «разваливается по швам».

«Зрелость» — первая книга В. Туренской. В первую книгу всегда хочется вложить все богатство жизненного материала, знаний, наблюдений, но книга не выдерживает, «разваливается по швам».

«Зрелость» — первая книга В. Туренской. В первую книгу всегда хочется вложить все богатство жизненного материала, знаний, наблюдений, но книга не выдерживает, «разваливается по швам».

«Зрелость» — первая книга В. Туренской. В первую книгу всегда хочется вложить все богатство жизненного материала, знаний, наблюдений, но книга не выдерживает, «разваливается по швам».

«Зрелость» — первая книга В. Туренской. В первую книгу всегда хочется вложить все богатство жизненного материала, знаний, наблюдений, но книга не выдерживает, «разваливается по швам».

«Зрелость» — первая книга В. Туренской. В первую книгу всегда хочется вложить все богатство жизненного материала, знаний, наблюдений, но книга не выдерживает, «разваливается по швам».

«Зрелость» — первая книга В. Туренской. В первую книгу всегда хочется вложить все богатство жизненного материала, знаний, наблюдений, но книга не выдерживает, «разваливается по швам».

«Зрелость» — первая книга В. Туренской. В первую книгу всегда хочется вложить все богатство жизненного материала, знаний, наблюдений, но книга не выдерживает, «разваливается по швам».

«Зрелость» — первая книга В. Туренской. В первую книгу всегда хочется вложить все богатство жизненного материала, знаний, наблюдений, но книга не выдерживает, «разваливается по швам».

«Зрелость» — первая книга В. Туренской. В первую книгу всегда хочется вложить все богатство жизненного материала, знаний, наблюдений, но книга не выдерживает, «разваливается по швам».

«Зрелость» — первая книга В. Туренской. В первую книгу всегда хочется вложить все богатство жизненного материала, знаний, наблюдений, но книга не выдерживает, «разваливается по швам».

«Зрелость» — первая книга В. Туренской. В первую книгу всегда хочется вложить все богатство жизненного материала, знаний, наблюдений, но книга не выдерживает, «разваливается по швам».

«Зрелость» — первая книга В. Туренской. В первую книгу всегда хочется вложить все богатство жизненного материала, знаний, наблюдений, но книга не выдерживает, «разваливается по швам».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Писатель, критик и редактор — так называлось творческое совещание, созванное Союзом писателей СССР.

Роман «Вечерний звон» Н. Вирты был опубликован в журнале «Звезда».

В журнале «Звезда» опубликованы рассказы А. Барнаул.

В журнале «Звезда» опубликованы рассказы А. Барнаул.

В журнале «Звезда» опубликованы рассказы А. Барнаул.

В журнале «Звезда» опубликованы рассказы А. Барнаул.

В журнале «Звезда» опубликованы рассказы А. Барнаул.

В журнале «Звезда» опубликованы рассказы А. Барнаул.

В журнале «Звезда» опубликованы рассказы А. Барнаул.

В журнале «Звезда» опубликованы рассказы А. Барнаул.

В журнале «Звезда» опубликованы рассказы А. Барнаул.

В журнале «Звезда» опубликованы рассказы А. Барнаул.

В журнале «Звезда» опубликованы рассказы А. Барнаул.

В журнале «Звезда» опубликованы рассказы А. Барнаул.

В журнале «Звезда» опубликованы рассказы А. Барнаул.

В журнале «Звезда» опубликованы рассказы А. Барнаул.

В журнале «Звезда» опубликованы рассказы А. Барнаул.

В журнале «Звезда» опубликованы рассказы А. Барнаул.

В журнале «Звезда» опубликованы рассказы А. Барнаул.

В журнале «Звезда» опубликованы рассказы А. Барнаул.

В журнале «Звезда» опубликованы рассказы А. Барнаул.

В журнале «Звезда» опубликованы рассказы А. Барнаул.

В журнале «Звезда» опубликованы рассказы А. Барнаул.

В журнале «Звезда» опубликованы рассказы А. Барнаул.

УОЛЛ-СТРИТ В ЛИЦАХ

1. Улица в Нью-Йорке

Читатель нашей газеты Л. Родионов (Москва) пишет: «Известно, что с термином «Уолл-стрит» во всем мире связано прочное представление об американских монополиях, разжигавших новую мировую войну».

Уолл-стрит находится в центре района, площадью примерно в четверть квадратного километра.

С запада район Уолл-стрит граничит с приходами парижских колоний и с пригородом Нью-Йорка.

Разрастаясь, район финансовых монополий давно уже вышел за пределы Уолл-стрита.

Уолл-стрит — это улица в Нью-Йорке, но это не просто улица, это символ.

Уолл-стрит — это улица в Нью-Йорке, но это не просто улица, это символ.

Уолл-стрит — это улица в Нью-Йорке, но это не просто улица, это символ.

Уолл-стрит — это улица в Нью-Йорке, но это не просто улица, это символ.

Уолл-стрит — это улица в Нью-Йорке, но это не просто улица, это символ.

Уолл-стрит — это улица в Нью-Йорке, но это не просто улица, это символ.

Уолл-стрит — это улица в Нью-Йорке, но это не просто улица, это символ.

Уолл-стрит — это улица в Нью-Йорке, но это не просто улица, это символ.

Уолл-стрит — это улица в Нью-Йорке, но это не просто улица, это символ.

Уолл-стрит — это улица в Нью-Йорке, но это не просто улица, это символ.

Уолл-стрит — это улица в Нью-Йорке, но это не просто улица, это символ.

Уолл-стрит — это улица в Нью-Йорке, но это не просто улица, это символ.

Уолл-стрит — это улица в Нью-Йорке, но это не просто улица, это символ.

Уолл-стрит — это улица в Нью-Йорке, но это не просто улица, это символ.

Уолл-стрит — это улица в Нью-Йорке, но это не просто улица, это символ.

Уолл-стрит — это улица в Нью-Йорке, но это не просто улица, это символ.

Уолл-стрит — это улица в Нью-Йорке, но это не просто улица, это символ.

Уолл-стрит — это улица в Нью-Йорке, но это не просто улица, это символ.

Уолл-стрит — это улица в Нью-Йорке, но это не просто улица, это символ.

Уолл-стрит — это улица в Нью-Йорке, но это не просто улица, это символ.

«синдиката», возмущающаяся в непосредственной близости с гарримановскому банку.

Мы спернули на тихую Седар-стрит, что в переводе на русский язык означает «Бродвей».

На Уолл-стрите, в центре американских монополий, находится центр финансовой власти.

Здесь «делаются» президенты, назначаются министры.

Здесь «делаются» президенты, назначаются министры.

Здесь «делаются» президенты, назначаются министры.

Здесь «делаются» президенты, назначаются министры.

Здесь «делаются» президенты, назначаются министры.

Здесь «делаются» президенты, назначаются министры.

Здесь «делаются» президенты, назначаются министры.

Здесь «делаются» президенты, назначаются министры.

Здесь «делаются» президенты, назначаются министры.

Здесь «делаются» президенты, назначаются министры.

Здесь «делаются» президенты, назначаются министры.

Здесь «делаются» президенты, назначаются министры.

Здесь «делаются» президенты, назначаются министры.

Здесь «делаются» президенты, назначаются министры.

Здесь «делаются» президенты, назначаются министры.

Здесь «делаются» президенты, назначаются министры.

Здесь «делаются» президенты, назначаются министры.

Здесь «делаются» президенты, назначаются министры.

Здесь «делаются» президенты, назначаются министры.

Здесь «делаются» президенты, назначаются министры.

Здесь «делаются» президенты, назначаются министры.

Здесь «делаются» президенты, назначаются министры.

Здесь «делаются» президенты, назначаются министры.

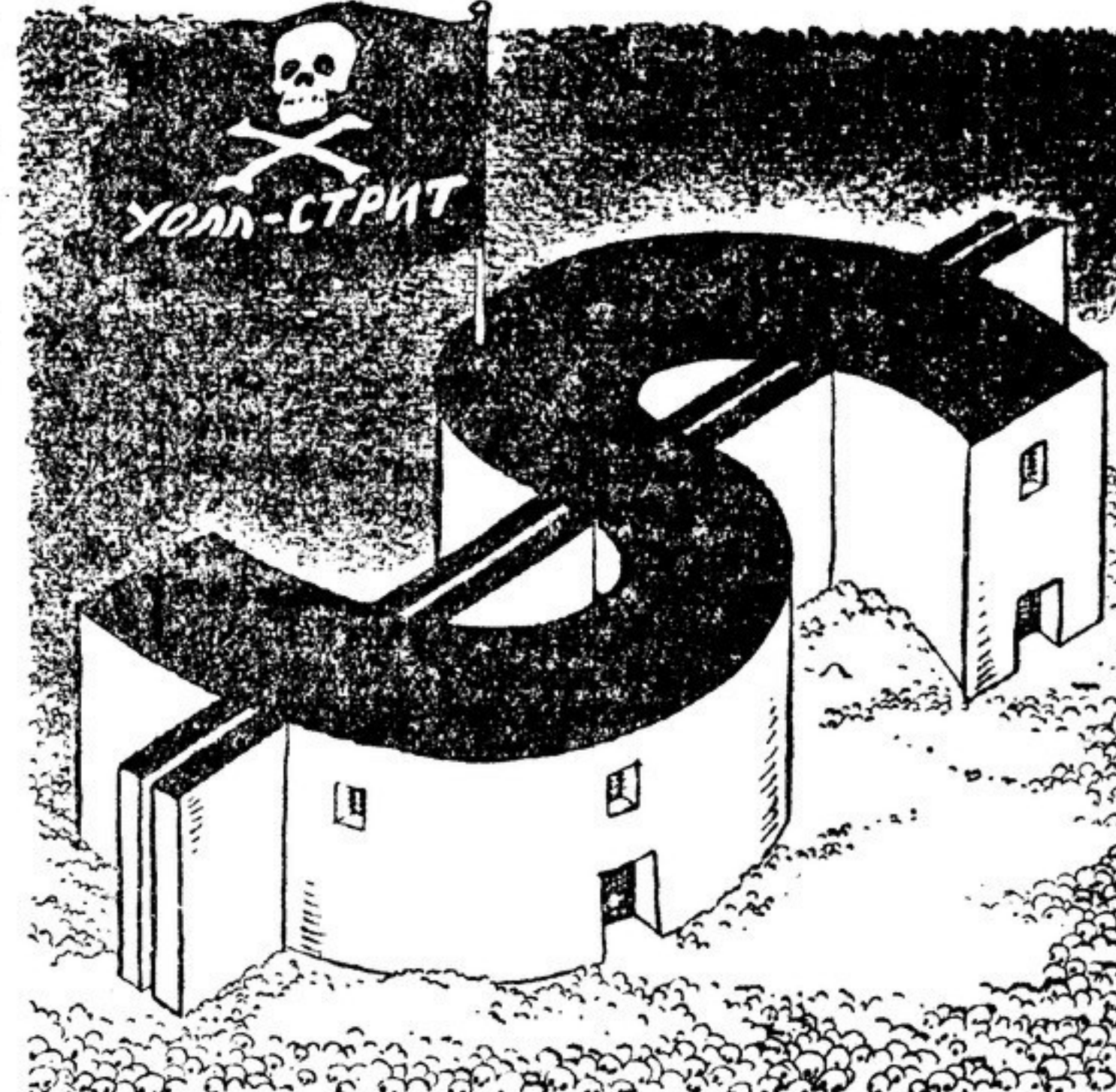

Рис. Бор. ЕФИМОВА

Новые книги

- Александр М. Солдаты. Роман. «Молодая гвардия». 379 стр.
Алтай в художественной литературе. (Литературно-художественный сборник). Барнаул. Алтайкрайиздат. 384 стр.
Бродяга А. Марта. Повесть. Авторизованный перевод с латышского Д. Глезера. Рига. Латгосиздат. 268 стр.
Бредель В. Эрнст Тельман. Политическая биография. С предисловием В. Пика и ревью, посвященной памяти Эрнста Тельмана, произнесенной В. Ульбрихтом 18 августа 1949 г. Перевод с немецкого М. Чечановского. Издательство иностранной литературы. 208 стр.
Зорин С. Повести и рассказы. Авторизованный перевод с армянского. «Советский писатель». 308 стр.
Исахан А. Избранные произведения. (Поэзия, проза и статьи). Авторизованные переводы с армянского. Гослитиздат. 363 стр.
Костер Ш. Легенда об Уленшигге и Ламме. Гудакс их приключениях. Отважные, забавные и достопамятные приключения и иных стран. Перевод с французского А. Гирфельда. «Молодая гвардия». 408 стр.

Второе, „исправленное“

Вышло в свет второе и, если верить титульному листу, исправленное издание хрестоматии по советской киргизской литературе для 9—10-х классов средней школы.

Хрестоматия по сравнению с первым изданием несколько сокращена: вместо 55 печатных листов — 38. Однако некоторые сокращения произведены путем механического вычеркивания произведений, которые являются определяющими в творчестве того или иного писателя.

В переводе «Иррихон» превратился в «Иррихон», а в примечаниях дается такое объяснение этому слову: «Иррихон, по словам библейских авторов, — это город в восточной части хрестоматии превратился в «Иррихон» и «Иррихон» переведены одним словом: «Иррихон».

«Советник киргизы адабияты боюнча хрестоматия». Составители Балингов К., Самаганов Ж., Балтин П. И. Утверждено Министерством просвещения Киргизской ССР. За исправленное издание. Фрунзе, 1951. 554 стр. Циркаж 6060.

ГОЛОС СОВЕСТИ И ПРАВА

Состоявшаяся недавно в Весте сессия Совета Международной ассоциации юристов-демократов в обращении к юристам всего мира заявила, что «свобода, сражающаяся в Корее под американским командованием, совершает действия, которые следуют квалифицировать как преступления». Поскольку в первую очередь это относится к применению американцами бактериологического оружия, Международная ассоциация юристов-демократов, опираясь на авторитетные свидетельства своей специальной комиссии, осудила преступные действия агрессоров и потребовала немедленного прекращения бактериологической войны.

Весь мир, все, что есть честного и мыслящего в современном человечестве, испытало чувство величайшего возмущения и протеста. Элементарное правило войны, признавшееся и в рабовладельческой древности, и в феодальном средневековье, и капиталистических государствах, — о запрещении употреблять на войне любое отравляющее вещество, — это правило попирано в Корее и в Китае американскими агрессорами, применяющими чудовищное оружие бактериологической войны.

Запрещение пользоваться на войне ядовитыми и отравляющими веществами существует в глубокой древности. Правило римских юристов гласило: «Войны ведутся оружием, а не ядами» (Arms bella pop venenis geri). Оно же воспроизведено в феодально-абсолютистский период в известном афоризме Гуго Гроция в его труде «О праве войны и мира» (1625 год): «Не подобает ядом убивать врага» (Ne hostem veneno interficere liceat).

В декларации о законах и обычаях войны, составленной на Международной конференции в Брюсселе в 1864 году, запрещается «употребление яда или отравленного оружия» (ст. 13, п. 1).

Аналогичный запрет фигурирует в руководстве Института международного права, принятом на Оксфордской его сессии в 1880 году, причем определение «яда или отравленного оружия» уточнено словами: «в каком бы то ни было виде».

Согласно 22-й и 23-й статьям Приложения к IV Гаагской конвенции 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны, «каждое средство нанесения вреда неприязню» (ст. 22-я). «Кроме ограничений, установленных особыми соглашениями, воспрещается: а) употреблять яд или отравленное оружие...» (ст. 23-я).

Таким образом, к началу XX столетия запрещение пользоваться на войне всякого рода отравляющими веществами и аналогичными средствами массового уничтожения являлось общепризнанной нормой как обычного, так и договорного «права войны».

Это положение в последующих международных актах и соглашениях XX столетия получило свое дальнейшее развитие. Так, в Версальском мирном договоре, закончившем первую мировую войну (1914—1918 годы), записано: «Ввиду воспрещения пользования отравляющими, ядовитыми и тому подобными газами, а также всякими аналогичными жидкостями, веществами или способами, производством и ввоз их в Германию строго воспрещается. (Такая же статья была включена и в мирные договоры с Австрией, Болгарией, Венгрией, Турцией...» — Е. К.).

То же самое будет относиться к материалу, специально предназначенному для изготовления, сохранения или применения названных продуктов или способов» (статья 171-я Версальского договора).

В 1925 году на Международной конференции в Женеве был единогласно принят и подписан свыше чем 30 государствами, в том числе и представителями США, протокол о запрещении химической и бактериологической войны.

Во вступительной части этого документа содержится три положения: 1) признается, что «применение на войне отравляющих, ядовитых или других подобных газов, равно как и всяких аналогичных жидкостей, веществ и процессов, справедливо было осуждено общественным мнением цивилизованного мира»; 2) констатируется, что «запрещение этого применения было формулировано в договорах, участниками коих является большинство держав мира»; 3) заявление о «повсеместном признании восторженного в международное право этого запрещения, равно обязательного для совести и практики народов».

Главная часть Женевского протокола, весьма краткая по содержанию, сводится

Е. КОРОВИН,
корреспондент Академии наук СССР,
директор Института права

к следующему положению: «Высшие Договаривавшиеся Стороны, поскольку они не состоят уже участниками договоров, запрещающих это применение (т. е. применение отравляющих газов...» — Е. К.), признают это запрещение, соглашаются распространить это запрещение на бактериологические средства ведения войны и договариваются считать себя связанными по отношению друг к другу условиями этой Декларации».

То обстоятельство, что некоторые государства, подписавшие Женевский протокол, в частности США, до настоящего времени его не ратифицировали, не меняет дела. Этот факт свидетельствует лишь о черных замыслах американских империалистов. Кроме того, все участники Женевской конференции признали в полном соответствии с историческими фактами, что протокол 1925 года не устанавливает какого-то нового правила ведения войны, являясь лишь выражением уже давно сложившихся международной практики и элементарных требований человеческой морали («совести и практики народов»). В прошлом Соединенные Штаты неоднократно признавали в ряде подписанных ими соглашений, а также во внутреннем законодательстве запрет бактериологической войны.

В «Полевой инструкции для войск Соединенных Штатов» 1863 года сказано: «Безусловно отвергается при современном образе ведения войны употребление каким бы то ни было образом яда с целью отравить колоды или продовольствие, или оружие».

Вашингтонский договор 1922 года, подписанный Соединенными Штатами, в статье 5-й говорит: «Употребление при военных действиях отравляющих, ядовитых или иных газов и всех аналогичных жидкостей, материалов и составов, будучи справедливо осуждено общим мнением цивилизованного мира, и воспрещение их употребления, будучи провозглашенным в трактатах, в коих участвует большинство цивилизованных держав, — подписывающие державы в тех пределах, дабы это воспрещено было принято всеми, как часть международного права, связующая в равной мере нравственное сознание и практику наций, заявляют о своем согласии на подобное воспрещение в отношениях между собой и приглашают все другие цивилизованные народы присоединиться к нему».

Принятый Вашингтонского договора были одобрены на Пан-Американской конференции (в Сант-Яго) в 1923 году.

В Уставе Международного Военного Трибунала, подписанном в Лондоне в 1945 году СССР, Англией, Францией и США, есть статья 6-я, которая квалифицирует в качестве преступлений против мира: агрессивную войну (пункт «а»), военные преступления — нарушение законов или обычаев войны (пункт «б»), а также преступления против человечности (пункт «в»). К последним, в частности, относится «убийство, истребление... и другие жестокости населения». Таким образом, как атомная война, так и бактериологическая, будучи связанная с массовым истреблением мирного гражданского населения, являются преступлениями не только против законов и обычаев войны, но и против человечности.

Таковы эти документы, касающиеся запрещения вести бактериологическую войну в какой бы то ни было форме. Как видно с одной стороны, это международные договоры и соглашения, соблюдение которых обязательно для США, с другой, это инструкции и уставы, принятые в свое время американской армией. Следовательно, правительство Соединенных Штатов ранее присоединилось к осуждению бактериологической войны (присоединилось хотя бы на словах). Тем не менее, в течение многих лет США ведут активную подготовку бактериологической войны. В секретных лабораториях готовится смертоносное оружие для истребления мирного населения. И не случайно в 1946 году американское правительство по инициативе президента Трумана окончательно отказалось от ратификации Женевского протокола 1925 года и затем изыло его из конгресса. Такова была действительная позиция правящих кругов США. Потерпев поражение в Корее, в бесчеловечной ярости американские империалисты и дальше грубо попирают общепри-

знанные нормы международного права, открыто показывая свое зверное лицо. От имени американского правительства государственный секретарь Дин Ачесон категорически отказывается осудить бактериологическое оружие, а его агент в комиссии ООН по разоружению Коэн срывает принятие советских предложений о немедленном прекращении бактериологической войны и запрещении оружия массового уничтожения.

В 1941 году по предложению правительства США американская академия наук выделила специальную исследовательскую группу для разработки проблем, связанных с подготовкой бактериологической войны. С 1942 года функционирует «Комитет США по биологической войне» с опытным центром в Кэмп Детрик и с испытательными станциями в отдельных штатах.

Американские наемники уола-стритовских монополий своими действиями превзошли даже фашистских варваров, готовивших средства «бактериологического нападения». Гитлеровские бандиты испытывали эти средства на живых людях — пленных, в лагерях для военнопленных.

Японские выученики и союзники гитлеровцев, как показали материалы Хабаровского судебного процесса, от экспериментов над палачами перешли к экспериментам на фронте. Американские империалисты, взявшие себе в услужение германско-японских бандитов от науки (Вальтер Шрейбер, Исидо Сиро и К*), превзошли злодеяния своих предшественников.

Они используют в Корее и Китае смертоносные бактерии в качестве оружия массового человекоубийства, «медяциского» варианта атомной бомбы.

Решения Второго Всемирного конгресса сторонников мира, подкрепленные сотнями миллионов подписей по всех странах земного шара, требуют безусловного запрещения всех видов атомного, бактериологического, химического оружия, отравляющих веществ, радиоактивных и всех прочих средств массового уничтожения». Конгресс потребовал объявить военным преступником то правительство, которое первым применит атомное, бактериологическое, химическое или какое-либо другое средство массового уничтожения. Бактериологическая война, как применение зверского средства массового уничтожения, всецело и полностью подходит под это постановление.

1 апреля 1952 года Бюро Всемирного Совета Мира обратилось к народам всего мира с призывом: «Против бактериологической войны». Призыв обращается к совести всех мужчин и женщин, призывая их потребовать прекращения бактериологической войны, запрещения бактериологического оружия и заканчивается требованием привлечения к судебной ответственности лиц, виновных в применении самого подлого и самого чудовищного оружия».

Великий и священный гнев народов нарастает с каждым днем и часом. Правители США орудуют всеобщим негодованием и презрением.

Сто лет тому назад сами американцы записали в том же упоминании выше § 70 «Полевой инструкции для войск Соединенных Штатов», изданной в 1863 году, что тот, кто прибегает на войне к яду и отраве, «сам ставит себя вне законов и обычаев войны», т. е. иначе говоря, готовит себе участь военного преступника со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Преступление Уолл-стрит, пытающегося вызвать массовые эпидемии в Корее и Китае, зафиксировано бесчисленными вещественными доказательствами, удостоенными свидетелями и очевидцами, начиная с корейских бойцов, китайских добровольцев и гражданского населения и кончая специальной комиссией Международной ассоциации юристов-демократов. Сам американские летчики разрабатывают чудовищные злодеяния империалистов.

Выражая единодушное требование всего миролюбивого человечества, Советское правительство потребовало в Комиссии ООН по разоружению рассмотрения вопроса о нарушении запрещения бактериологической войны, о недопущении использования бактериологического оружия и привлечения к ответственности нарушителей запрещения бактериологической войны.

Это требование — подлинный голос совести всего человечества, голос оскорбленной и правды. Человечество требует: немедленно пресечь преступную американскую агрессию в Корее и Китае!

ПРАВДУ УБИТЬ НЕЛЬЗЯ

Истории известны бесчисленные попытки уничтожить Правду. Ее травляли и сжигали на кострах инквизиции. Пытались вышибить из нее дух в полицейских застенках. В новейшие времена на травле Правды особенно специализировались фашисты, сначала немецкие, потом американские. Гитлеровцы думали, что изобретя столь совершенные способы расправы с Правдой, как гестапо, Майданек и Бабий Яр, они навсегда покочат с ней. Американцы добавили к гитлеровской технике выставку отрубленных голов, нападкам, чумных блях, тифозных вшей и комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Им казалось: теперь-то измученная вопросами, сожженная напаломом, обезглавленная Правда уже замолчит навеки...

Но тщетно! Правду никогда не удалось ни сжечь, ни замуровать, ни убить. Она повторала: «А все-таки вернется!». Она гордо молчала на костре инквизиции. Она с презрением смотрела в полицейско-жандармские рожи. Она провозгласила на весь мир: «Да здравствует Сталин!», когда петля фашистской виселицы уже касалась ее горла. А брошенная в печь Майданека, она стучалась своим пеплом в сердца людей...

С этого фотоснимка на весь свет говорит все та же Правда. 1 марта, в годовщину мартовского восстания 1919 года против японских захватчиков, корейские патриоты, согнанные в американский концентрационный лагерь на острове Кодо, устроили грандиозную манифестацию.

Мы знаем, как живет корейским патриотам в американских концлагерях. Мы знаем про лагерь № 72, 86 и многие другие, известные, как ад на земле.

Но люди, заключенные на Кодо, презрели голод, пытки и кончому проволоку. Они тайно нарисовали портреты Сталина, Мао Цзе-дуна и Ким Ир Сена. Из ловушки они шлепнули знамена Корейской Народно-Демократической Республики.

И вот смотрите, слушайте! — говорит бессмертная Правда. Движется демонстрация заключенных корейских патриотов. Спят солдаты-террористы. На сторожевых вышках, наверное, уже направлены на демонстрантов пулеметы. Уже суетятся «эмпы» — засосные молодчики из Оклахомы и Индианы, приползли в «бесовую готовность» резиновые палки, пистолеты...

А люди идут. Они несут на знаменах, эмблемах, в сердцах, в душах своих неистребимую гордость Правду свободы и независимости. Они несут портреты людей, олицетворяющих эту великую Правду. Они знают: пройдут минуты, и свора палачей накинется на них, раздвинет потопы, требования выдать «защитников»...

И все же они идут. Пусть честные люди всего мира увидят шествие своих смелых братьев. Смотрите: это идет вечная, бессмертная Правда!

Александр ЧАКОВСКИЙ
Снимок из французского журнала «Регар»

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

Американский журнал «Тайм» 31 марта этого года опубликовал статью, рассказывающую о том, как Французское Марокко превращается в военную базу США. Статья начинается следующими словами:

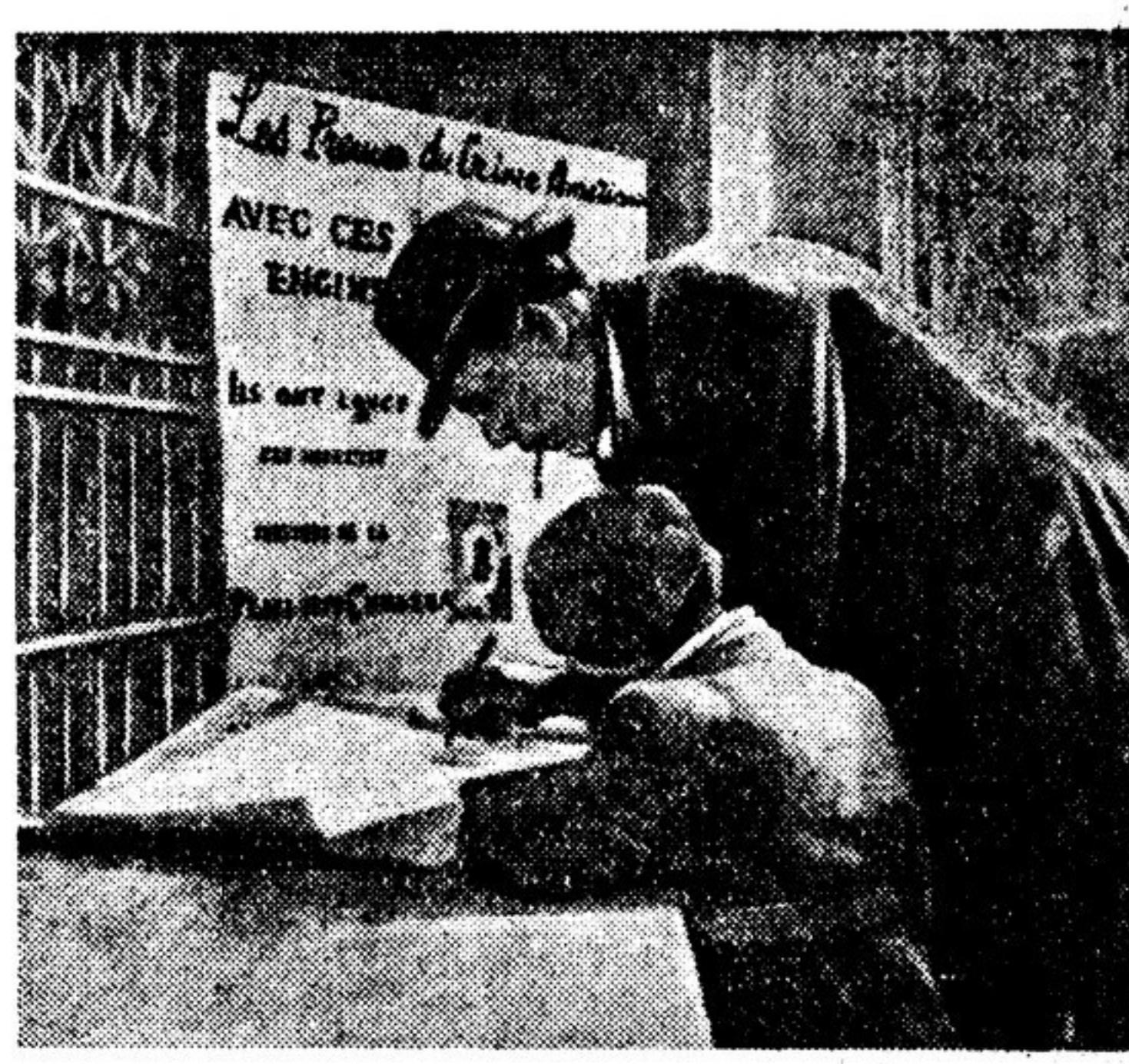
TIME
MOROCCO
The American Invasion
French Morocco is the site of the latest American invasion, peaceful but hectic, bringing armies and planes and contractors with millions of dollars to spend. The five big air bases which the U.S. is building in the northwest corner of Africa will handle anything that S.A.C. (the U.S. Strategic Air Command) now has.

«АМЕРИКАНСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ
Французское Марокко является объектом последнего по счету американо-африканского вторжения, мирного по форме, но лихорадочного, сопровождающегося наплывом летчиков, самолетов и подрывчиков, готовых истратить миллионы долларов. Пять больших авиационных баз, создаваемых Соединенными Штатами в северо-западном уголке Африки, будут обслуживать любые самолеты, которыми S.A.C. (стратегическое командование воздушными силами США) располагает в настоящее время...»

Заголовок, протанутий через всю первую страницу номера от 3 апреля 1952 года реакционной газеты «Пленс крав», выходящей в Кристиансунде (Норвегия), гласит:

Videns Krav
Arbeidsløsheten følger borgerpolitikken
som en svart slaggkugle
Der er ingen tvivl om at
«Безработица следует за буржуазной политикой, как черная тень». Комментарий излишний!

Перед зданием мэрии во французском городе Сен-Дени сторонники мира установили большой стэнд с призывом протестовать против бактериологической войны, развязанной американскими империалистами в Корее. На нем под надписью: «Доказательства преступления, совершенного американцами. С помощью этих снарядов они сбросили этих насекомых, являющихся носителями чумы и холеры», помещены различные фотографические документы, изображающие американских агрессоров в применении бактериологического оружия. На фото — жители города подписывают у стэнда петицию протеста. Снимок из французской газеты «Юманите»

По страницам печати

«Работническо дело» — Болгария; «Сабад неп» — Венгрия; «Скынтея» — Румыния; «Жице Варшавы» — Польша; «Руде право» — Чехословакия

По правильному пути

Вчера болгарские домохозяйки, отправляясь за покупками в магазины, не брали с собой не нужные уже больше продуктовые карточки. Решением Совета Министров и Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии в стране проводится денежная реформа, отменяет карточная система на продовольственные товары, снижает государственные розничные цены. Это историческое событие встречено с огромной радостью и удовлетворением всем болгарским народом.

«Мы идем по единственно правильному пути повышения жизненного уровня народа, по пути Советского Союза, по пути последовательного снижения цен на товары», — пишет газета «Работническо дело». Наши трудящиеся получают значительные выгоды от снижения у нас цен на товары, увеличения зарплат и пенсий. От проведения этих мероприятий трудящиеся выиграют около 20 миллиардов левов, а от снижения цен на рынках, что по сравнению с неминуемым, — еще 3 миллиарда левов в старых денежных единицах. В общей сложности они выиграют 920 миллионов левов в новой валюте. Повышается реальная зарплата рабочих и служащих и значительно увеличиваются доходы трудящихся крестьян.

Неуклонный подъем материального благосостояния и культурного уровня простых людей стал законом развития, законом жизни новой Болгарии. Рабочие, крестьяне, интеллигенты с каждым годом имеют возможность все лучше одевать и кормить семью, полнее удовлетворить свои культурные запросы. Достаточно сказать, что в минувшем году трудящиеся купили мясных изделий, риса, жиров, макарон и т. п. почти в полтора раза больше, чем в 1950 году.

В новой Хортобади

С незапамятных времен Хортобадская степь представляла собой выжженную солнцем пустыню. Уныло царила пастухи: Высоки в озере и вода и грязь, куда бедной овце смотреть, Как не на пастуха.

Только при строе народной демократии, — пишет газета «Сабад неп», — началась борьба против заселенной природы-мачехи... По краям оросительных каналов и ров уже выстроились длинным рядком, широкой полосой сажени, которые через несколько лет будут обдувать разбушевавшиеся ветры!

Газета сообщает, что с приходом влаги в степь уже более чем увеличился сбор пшеницы, в новых злевах и коношках теперь взойдет душистого сена. Агроном Лайош Абрахам рассказывает на страницах газеты, что после беседы с посетившей Хортобад советской колхозной делегацией крестьяне местных кооперативов поняли, как ошибочно старые представления о так называемых «немоложных» породах коров, и стали внедрять опыт многократного доения.

«Убедившись в преимуществах нового метода, крестьяне выступают сами инициаторами новых приемов труда, энергично борются за повышение производительности».

Хортобад становится богатой житницей новой Венгрии.

Любовь

к советской книге

Румынский инженер машиностроительного завода имени Василе Ройте Думитру Лазар любит советскую книгу.

В. И. КУРИЛЕНКОВ

11 мая 1952 года после тяжелой болезни скончался талантливый журналист, литератор и критик, заместитель редактора «Известий» по отделу литературы и искусства Василий Иванович Куриленков. В. И. Куриленков родился в 1906 году в Москве, в семье рабочего. Свою трудовую деятельность он начал тринадцати лет в качестве корректора, а потом ученика-печатника типографии. После окончания рабфака и Московского педагогического института начался плодотворная деятельность В. И. Куриленкова в области советской печати. В годы Великой Отечественной войны В. И. Куриленков находился в Действующей армии и прошел путь от солдата до командира стрелкового батальона. На фронте В. И. Куриленков вступил в ряды ВКП(б). В последние годы В. И. Куриленков работает в «Известиях» и одновременно активно сотрудничает

«Она показывает нам высокий образец советского человека, такого, каким хочет стать каждый из нас, какому хочу быть и я».

нишет он на страницах газеты «Скынтея».

Книги М. Горького, М. Шолохова, Н. Островского, И. Эренбурга, В. Полевого и других советских писателей стали большими друзьями и советчиками румынского инженера.

«Как инженера, — пишет Д. Лазар, — меня особенно заинтересовал роман «Сталь и шлак» Владимира Попова. Любимый инженер, любящий работу, читающий книгу, еще сильнее почувствует ту радость труда, без которой нельзя стать передовиком в своей профессии, новатором производства... Такие книги обогащают читателей огромными моральными капиталом: они дают нам крылья».

С возмущением и гневом говорит румынский инженер о растленной буржуазной литературе, проповедующей идеи иракобесия и человеконенавистничества.

«Эта литература, — пишет Д. Лазар, — родная сестра атомной бомбы и насекомых, носителей чумы. С ее помощью трудящиеся и их хозяева загнута угнетать народы, свергнуть их в пучину новой войны».

Город студентов

Старая Лодзь, второй по величине город Польши, насчитывающий свыше 700 тысяч жителей, не имеет ни одного высшего учебного заведения. В корне изменилось положение теперь. Газета «Жице Варшавы» пишет:

«Теперь Лодзь — один из крупнейших центров высшего образования в стране. В городе имеется девять учебных заведений, в которых обучаются 16.500 студентов. Крупнейшие из них — университет, политехнический институт, медицинский институт, педагогический институт и Высшая экономическая школа».

Народное государство окружило студенчество отеческой заботой. Рабоче-крестьянская молодежь, составляющая 73 процента всех лодзьских студентов, в большинстве своем обеспечена стипендиями, все нуждаются — благоустроенными общежитиями. Газета сообщает:

«На улице Быстрицкой по шестилетнему плану строится Университетский городок, в котором будут столовая на три тысячи человек, стадион, клуб, теннисные корты, поликлиника, центральная библиотека».

Дар простой женщины

Недавно в Центральном комитете действия Национального фронта в Праге пришла волнующее письмо от радовой чешской женщины — Марии Кнеборговой из Долей Рашицы. В этом письме, опубликованном в газете «Руде право», она пишет:

«Посылаю в помощь корейскому народу золотой дукат. Это память, оставшаяся у меня от матери, которая умерла, когда мне был всего один год. Никогда в жизни я не думала расставаться с этой реликвией, так как она была мне дороже всех кладов и богатств мира».

Но вот на горизонте встало новое страшное для всего мира, от которого вынуждены терпеть и страдать мирные, честные и трудолюбивые люди. И я решилась пожертвовать дорогой мне памятью — золотым дукатом для дела мира, для борьбы с врагами, которых ненавижу каждый, в ком есть хоть капля добра».